

Александр Иванович Куприн

Палач

Александр Куприн

Палач

«Public Domain»

1900

Куприн А. И.

Палач / А. И. Куприн — «Public Domain», 1900

«...Это случилось в 1199 году в маленьком баварском городке Ингольштадте, как раз накануне рождества Христова. Зима в этом году стояла такая суровая, что подобной ей не могли припомнить самые древние старцы. По словам летописца, «камни трескались от мороза, и дикие звери выбегали из своих лесных трущоб, чтобы согреться около человеческого жилья». На небе появлялись странные, грозные знамения, предвещавшие мор, войну и продолжительный голод. Многие видели по ночам две луны, восходившие рядом; другие замечали огромный сияющий крест, который пересекал все небо от востока к западу и от севера к югу. Астрологи и шарлатаны, разъезжавшие по ярмаркам, выкрикивали со своих тележек о том, что с концом столетия наступит кончина мира. Простой народ жадно слушал эти туманные, высокопарные предсказания, верил им и глухо волновался...»

© Куприн А. И., 1900

© Public Domain, 1900

Александр Иванович Куприн

Палач

Это случилось в 1199 году в маленьком баварском городке Ингольштадте, как раз накануне рождества Христова. Зима в этом году стояла такая суровая, что подобной ей не могли припомнить самые древние старцы. По словам летописца, «камни трескались от мороза, и дикие звери выбегали из своих лесных трущоб, чтобы согреться около человеческого жилья». На небе появлялись странные, грозные знамения, предвещавшие мор, войну и продолжительный голод. Многие видели по ночам две луны, восходившие рядом; другие замечали огромный сияющий крест, который пересекал все небо от востока к западу и от севера к югу. Астрологи и шарлатаны, разъезжавшие по ярмаркам, выкрикивали со своих тележек о том, что с концом столетия наступит кончина мира. Простой народ жадно слушал эти туманные, высокопарные предсказания, верил им и глухо волновался.

Но и близкая кончина мира не могла утишить той страстной кровавой борьбы Гвельфов с Гибеллинами, которая кипела повсеместно в Германии, начиная от герцогского дворца и кончая избой последнего швабского угольщика. Наоборот, обоюдная ненависть в виду приближающихся страшных событий как будто бы усилилась еще больше, и обе партии походили на двух борцов, схватившихся в судорожном смертельном объятии над самым краем бездонной пропасти. Тот же летописец замечает, что не только во всех городах и деревнях, но даже в отдельных семействах одни держали сторону Гвельфов, а другие – Гибеллинов. Взаимной ненависти не было пределов, и часто пустая ссора, невпадет сказанное слово служили поводом для кровавой драки, внезапно закипавшей на улице. То те, то другие попеременно брали верх. Нередко германский бюргер, который накануне лег спать, молясь за своих покровителей Гибеллинов, видел наутро родной город занятым папскими войсками. Интрига, заговор, наемный кинжал, изменническое нападение считались делом самым обыденным... По стране бродили, опустошая ее и наводя ужас на мирных жителей, многочисленные шайки мародеров, которые в средние века всегда следовали, как стаи шакалов, по пятам больших армий, и нередко даже значительные военные отряды подвергались неожиданному нападению этих дерзких хищников.

В описываемое время, в ночь с 24 на 25 декабря, какой-то человек приближался к Ингольштадтским городским воротам. Он, по-видимому, страшно устал, потому что часто останавливался и, повернувшись спиной к ветру, бушевавшему с необыкновенной силой, глубоко переводил дыхание. Отдохнув немного, он опять пускался вперед, с трудом вытаскивая ноги из снега, доходившего ему до колен. На нем был дырявый меховой плащ и широкополая фетровая шляпа. Судя по костюму, его можно было принять за бедного бюргера или за арендатора мелкой фермы, и только спрятанная под плащом шпага, рукоятка которой оттопыривала материю, и тяжелые военные ботфорты несколько не гармонировали с его невзрачной нередко даже значительные военные отряды подвергались неожиданному нападению этих дерзких хищников. В описываемое время, в ночь с 24 на 25 декабря, какой-то человек приближался к Ингольштадтским городским воротам. Он, по-видимому, страшно устал, потому что часто останавливался и, повернувшись спиной к ветру, бушевавшему с необыкновенной силой, глубоко переводил дыхание. Отдохнув немного, он опять пускался вперед, с трудом вытаскивая ноги из снега, доходившего ему до колен. На нем был дырявый меховой плащ и широкополая фетровая шляпа. Судя по костюму, его можно было принять за бедного бюргера или за арендатора мелкой фермы, и только спрятанная под плащом шпага, рукоятка которой оттопыривала материю, и тяжелые военные ботфорты несколько не гармонировали с его невзрачной одеждой.

Человек в меховом плаще дошел до глубокого рва и остановился. По ту сторону рва сквозь мутно-белую завесу метели слабо виднелся деревянный палисад, окаймлявший город, и темная, неуклюжая громада крепостных ворот.

– Черт возьми, мост уже поднят! – недовольно проворчал путник. – Впрочем, тут нет ничего удивительного... Придется обойти кругом.

Очевидно, он был хорошо знаком с расположением города, потому что, пройдя шагов около двухсот по краю рва, он повернул и стал медленно и осторожно спускаться в него. Когда снег доходил ему до пояса, он останавливался и начинал топтаться на одном месте, подминая под себя снег ногами и руками и чуть заметно подвигаясь вперед. Таким образом, прошло около часа, пока он добрался до противоположного откоса и с трудом, после многих неудачных попыток, вскарабкался на него. Затем он вынул из кармана толстую веревку, сделал из нее мертвую петлю и, ловко забросив конец на один из зубцов палисада, стал на руках подниматься вверх, упираясь ногами в стену. Через две минуты он был уже по ту сторону палисада.

Ингольштадт казался вымершим. Ни один человек не попадался навстречу путнику, пока он шел по узким, кривым улицам города. Двери и ставни были плотно затворены массивными железными болтами, и только кое-где сквозь узкую щель мелькал порою красный огонь ярко пылающей печи. Человек, странным образом проникший в город, остановился перед высоким домом, у которого, согласно требованиям средневековой архитектуры, каждый верхний этаж выступал над нижним, и несколько раз подряд постучал дверным молотком. Ему пришлось ждать довольно долго, пока за дверью послышались грузные шаги и чей-то недовольный голос спросил:

– Какой черт стучится в эту пору? Что нужно?

– Ради бога, впустите меня, – отозвался путник. – Я замерз и умираю от голода.

– Ладно, ладно... Мы отлично знаем этих голодных бродяг... Убирайся к дьяволу в лапы. Там ты скорей согреешься!..

– Послушайте... Я заплачу вам... Мне нужен только угол для ночлега и лопот хлеба... Я заплачу вам золотом... Послушайте.

– Послушай ты, мародер, – раздался сердитый голос из-за двери. – Если ты сейчас не отойдешь от моего дома, я выпущу на тебя собак!..

Человек в плаще произнес злое проклятие и пошел дальше. Он знал, что дом, в который он только что стучался, принадлежит бургомистру, самому богатому бюргеру в городе. И по привычке думать вслух, свойственной человеку, пробывшему долгое время наедине с самим собою, он проговорил:

– Хорошо, господин бургомистр. Завтра я вам напомню, как вы собирались травить меня собаками. Что-то вы запоете тогда?..

Вдали мелькнул свет фонаря, и послышался звон оружия. Путник оглянулся вокруг и, заметив в одном из домов глубокую дверную нишу, быстро скользнул в нее и плотно прижался к стене. Отряд городской стражи, состоящий из четырех человек, прошел мимо него так близко, что он даже услышал от одного из солдат сильный запах вина.

– Проклятие, какая чертовская служба, – говорил солдат, который нес фонарь.

– С тех пор как Гибеллины изгнали нашего доброго Генриха-Льва, я, кажется, охотней согласился бы пасти свиней, чем служить в войске...

– В особенности, когда уже третий месяц мы не видим жалованья, – поддержал другой.

– И когда имперские рейтары обращаются с нами, как с собаками, – сказал третий.

– Нет, вот что я вам скажу, ребята, – вмешался опять солдат с фонарем. – Если б теперь наш славный Генрих подошел под городские стены, хоть с самым маленьким отрядом, – я бы первый отворил ему ворота и опустил перед ним мост.

– Я бы сделал то же самое...

– И я, и я!

– Наши рыцари что-то такое знают, – продолжал первый солдат. – Говорят, что его видели на границе, когда он...

Сильный порыв ветра заглушил его слова. Скоро вдали затихли шаги обхода. По лицу человека в плаще, не проронившего ни одного слова из этого разговора, пробежала довольная улыбка, тем более странная, что он с головы до ног дрожал в лихорадке.

Выйдя из ниши, он опять пошел по городским улицам. У некоторых домов он останавливался и стучался. Иногда на его стук никто не отзывался, но большею частью ему приходилось выслушивать из-за дверей такую грубую брань, что он в молчаливом бешенстве стискивал зубы, сжимал кулаки и отходил прочь. В одном доме ему ответила, судя по голосу, какая-то добрая старуха:

– Ты, должно быть, не здешний, что просишь ночлега под канун рождества Христова, – сказала она. – Разве ты не знаешь, что, по старому обычаю, ни один хозяин ни за какие деньги не пустит сегодня в свой дом чужого? Приди завтра, и я накормлю тебя хоть жареным гусем и напою имбирным пивом. А сегодня ты принесешь в мой дом все несчастья, которые преследуют тебя.

Человек в плаще шел все дальше и дальше, спускаясь постепенно к Дунаю. Когда он переходил площади, на него кидались стаи бродячих собак, тощих, одичавших и злых. Они заливались бешеным лаем, вертясь вокруг его ног, но так как он не обращал на них внимания, то они не осмеливались его тронуть.

Скоро городские постройки стали попадаться все реже и реже, дальше пошли жалкие, вросшие в землю лачужки ремесленников и поденщиков. Но и в них напрасно стучался озябший и голодный путник. Народное суеверие ревниво охраняло каждый дом, потому что в эту святую ночь в него вместе с чужим человеком неминуемо должно было вторгнуться чужое несчастье. Между тем путник совершенно выбился из сил. Ноги его так отяжелели, что он насилию подымал их от земли, все тело ныло, точно избитое, а глаза так неудержимо слипались, что ему стоило больших усилий, чтобы не повалиться на снег и не заснуть крепким сном.

Город кончился. Дальше идти было некуда. Человек в плаще остановился в нерешимости. Им уже стала овладевать какая-то сладкая, истомная зевота. Еще несколько минут, и он улегся бы на снегу, закрывшись поплотнее своей верхней одеждой. Как вдруг впереди него из-за широко распахнутой ветром двери брызнул яркий свет. «Все равно: постучусь еще раз – подумал вслух путник – а там...» Но он даже не договорил своей фразы и поспешно, насколько ему позволяли иссякшие силы, пошел вперед по цельному снегу.

Дом, откуда блеснул огонь, стоял далеко в стороне от черты городских построек и был гораздо больше и наряднее теснившихся на окраине лачужек. Вокруг дома не было никакой изгороди, и потому путник мог, подойдя вплотную к окну, не закрытому ставней, заглянуть через него внутрь дома.

Рослый человек в новом красном шелковом кафтане сидел у стола и ел; высокая худая девочка лет тринадцати, с тонкими и красивыми чертами печального лица, стоя прислуживала ему. Человек этот, судя по широкой шее, массивным плечам и огромным, волосатым кистям рук, отличался страшной физической силой. Волосы на голове у него были коротко острижены, в небольшой круглой бороде серебрилась заметно проседь, а лицо его, изрытое морщинами, было так мрачно, что путник, глядя на него сквозь слюдяное окно, подумал: «Должно быть, на этом лице никогда не появлялась улыбка».

Человек в плаще постучался в дверь.

– Войдите, не заперто! – крикнул изнутри сильный густой голос.

Путник приподнял наружный деревянный засов и очутился в большой, жарко истопленной комнате, наполненной раздражающим запахом жареной свинины.

– Как, неужели и сегодня понадобилась моя работа? – воскликнул недовольным голосом хозяин. – Если так, то скажите вашим судьям, что я ни сегодня, ни завтра не выйду из дому, хотя бы меня самого повесили за это.

Но когда незнакомец снял свою шапку, засыпанную снегом, то хозяин быстро приподнялся со стула, и лицо его выказало удивление.

– Простите, я принял вас за другого – сказал он вежливо – что угодно господину?

Хотя незнакомец и был одет в поношенный и дырявый плащ, но, наверное, всякий назвал бы его господином так же, как это сделал и хозяин дома. Что-то неотразимо властное, уверенное и величественное было в его стройной, высокой фигуре и в его красивом лице с длинной, выхоленной черной бородой.

– Прошу вас, не откажите мне в куске хлеба и в ночлеге... Хотя бы на полу! – умоляюще произнес незнакомец. – Я обошел весь город, и меня не пустили ни в один дом. Я заплачу золотом за все, что вы мне дадите.

Хозяин низко наклонил голову перед своим неожиданным гостем.

– Я не возьму от вас платы, – сказал он тихо, и в голосе его послышалась горечь и грусть. – Весь мой дом к вашим услугам, но... – он на минуту замялся – но я боюсь, что вы предпочтете опять уйти на мороз и метель, когда узнаете, у кого вы в гостях.

– О, черт возьми, не все ли равно, кто вы, когда я умираю от голода и отморозил себе ноги! – воскликнул нетерпеливо незнакомец. – Гвельф вы или Гибеллин, убийца или честный бюргер! Дайте мне кусок хлеба и не говорите ни слова о ваших занятиях.

– Пусть будет так, – сказал хозяин и опять низко склонился перед гостем. – Прошу вас, господин, садитесь за стол. Элеонора – обратился он к дочери – ты будешь прислуживать господину, а потом приготовишь ему постель.

Незнакомец с такой жадностью накинулся на свинину и копченый медвежий окорок, что, по-видимому, совершенно забыл о гостеприимном хозяине, и только утолив первый голод, он заметил, что тот стоит в глубине комнаты.

– Отчего вы не садитесь со мною за стол? – спросил гость. – Я прервал ваш ужин, и, право, это ставит меня в очень неловкое положение. Садитесь же, прошу вас!

– Нет, господин, я не смею сесть с вами рядом, – возразил твердо хозяин-Элеонора, налей господину вина.

Тон его отказа был так решителен, что незнакомец не настаивал больше. Он ничего не ел в продолжение двух суток, и теперь у него не хватало терпения расспрашивать.

Но когда он насытился и выпил несколько стаканов золотого душистого рейнского вина, которое ему наливали своими тонкими смуглыми детскими ручками Элеонора, когда чувство блаженного довольства и покоя впервые после многих дней нужды, опасностей и голода разлилось по всему его телу, его сердце переполнилось глубокой благодарностью и какой-то странной жалостью к этому загадочному человеку, стоящему сзади него в покорной и печальной позе.

Незнакомец выпрямился во весь свой высокий рост и сказал повелительно:

– Я, Генрих Второй, Лев-Анна, герцог Швабский, электор Саксонский, приказываю тебе назвать свое имя и звание!..

Хозяин дома вздрогнул от неожиданности и упал ниц, касаясь головой пола.

– Ваша светлость! Ваша светлость! – воскликнул он растерянно. – Я – Эйзенман, я-Карл Эйзенман... Простите меня за то, что я сразу не назвал вам своего имени... Я – Карл Эйзенман, ингольштадтский палач...

Брови Генриха-Льва нахмурились на мгновенье, но только на одно мгновенье.

Быстрым движением он вытащил из ножен свою широкую, длинную шпагу и, ударив ею плашмя по плечу Эйзенмана, произнес:

– Я, Генрих-Лев, герцог Швабский, электор Саксонский, посвящаю тебя в рыцари Швабской короны. Встаньте, Карл фон Эйзенман – добавил он приветливо.

Таким образом, по рассказу летописца, в ночь на рождество Христово, на пороге XIII столетия, был возведен в рыцарское достоинство ингольштадтский палач. Но так как у него не было мужского потомства, то и род его прекратился вместе с ним, когда он погиб геройской смертью, сражаясь на стенах Везенберга за своего герцога.

1900